

УДК 94(575.2)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ
В КИРГИЗСКОЙ ССР (ПО МАТЕРИАЛАМ ГКНБ КР)**

Е.В. Носова

Рассматриваются вопросы, связанные с репрессивной политикой советского государства.

Ключевые слова: репрессивная система; репрессивные органы; НКВД; ГПУ; исправительно-трудовой лагерь; ГУЛАГ.

**TO A QUESTION ON THE ETHNIC COMPOSITION OF THE REPRESSED
IN THE KIRGHIZ SSR (BASED ON THE NATIONAL SECURITY
COMMITTEE OF THE KYRGYZ REPUBLIC)**

E. V. Nosova

The article raises questions related to the repressive policies of the Soviet state.

Key words: repressive system; repressive organs of the NKVD; GPU; a forced labor camp; Gulag.

Советская репрессивная система создавалась в течение ряда лет и своими корнями уходит в период Октябрьской революции и гражданской войны.

Официальным проводником исправительно-трудовой политики Советской власти стал Наркомат юстиции и его Карательный отдел. Им были созданы такие нормативные акты, как Постановление Наркомата юстиции от 23 июля 1918 г. “О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового. (Временная инструкция)”, “Положение об общих местах заключения РСФСР” от 15 ноября 1920 г. и ряд других официальных документов [1].

После Октябрьской революции начала формироваться сеть новых карательных учреждений – лагерей принудительного труда, ставших впоследствии основным каналом реализации карательной политики Советского государства.

Первые лагеря на территории Советской республики появились летом 1918 г. – для “провокаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов и спекулянтов”. Официально их появление закрепил декрет СНК от 5 сентября 1918 г. “О красном терроре”. Совнарком ставил задачу ограждения Советской республики от классовых врагов путем заключения их в концентрационные лагеря. Последовавший за этим декретом ряд приказов НКВД требовал, чтобы превентивному

аресту были подвергнуты представители офицерства и буржуазии [2, с. 130–131].

В борьбе за выживание новая власть стремилась если не уничтожить своих врагов физически, то хотя бы изолировать их, сломить морально и нравственно, заставив под конвоем работать на себя. Для этой цели подходили лагеря – концентрационные, принудительных работ, особого назначения, исправительно-трудовые и т. д.

Начало правовому регулированию деятельности лагерей положил декрет ВЦИК “О лагерях принудительных работ”, опубликованный в “Известиях” 15 апреля 1919 г. Заключение в лагерь подлежали те, в отношении которых были приняты соответствующие постановления отделов управления исполкомов Советов, ЧК, ревтрибуналов, народных судов и других советских органов [3]. Для управления лагерями при НКВД создавалось Центральное управление лагерей.

17 мая 1919 г. ВЦИК издал постановление “О лагерях принудительных работ”, в котором детально регламентировались порядок и условия организации лагерей. Рекомендовалось устраивать лагерь с учетом местных условий (в черте города, поместьях, монастырях, усадьбах и т. д.), численностью не менее 300 человек в каждом. Общее управление всеми лагерями на территории РСФСР поручалось Отделу принудительных работ НКВД. Предполага-

лось, что содержание лагерей и администрации при полном составе заключенных будет окупаться трудом заключенных. Строго карались побег, за первую попытку срок заключения увеличивался в 10 раз, за вторую, по решению революционного трибунала, можно было получить расстрел [4].

Отдел принудительных работ НКВД был реорганизован в 1921 г. в Главное управление лагерей принудительных работ [2, с. 131]. В 1922 г. карательную политику в Советском государстве осуществляли: 1) Народный комиссариат юстиции в лице его Центрального исправительно-трудового отдела; 2) ГПУ, располагавшее собственными лагерями и тюрьмами; 3) Наркомат внутренних дел. Эти структуры рассматривали карательную политику как одну из функций собственных ведомств [5, с. 58, 62]. В систему мест заключения НКЮ входили тюрьмы, сельскохозяйственные колонии и фермы, а также учреждения для несовершеннолетних и больных [6, с. 104].

Деятельность мест заключения, подведомственных НКВД, регламентировалась Исправительно-трудовым кодексом РСФСР, принятым 16 октября 1924 г. [6, с. 137]. Согласно отчету Главного Управления мест заключения республики XI съезду Советов, концентрационные лагеря были повсеместно ликвидированы или преобразованы в места заключения общего типа еще в 1923 г. [7, с. 30, 54]. Но в стране по-прежнему продолжали существовать две карательные системы – в составе НКВД и ГПУ/ОГПУ.

Созданное в феврале 1922 г. ГПУ, заменившее ВЧК, в конце 1923 г. выделилось из Наркомата внутренних дел и было подчинено правительству. Вместе с ГПУ была создана репрессивная система, в которую вошли подведомственные ему внутренние тюрьмы, изоляторы и концентрационные лагеря особого назначения [8, с. 3]. Деятельность этой системы базировалась на внутриведомственных актах и не подчинялась общегосударственному законодательству. А также была запрещена публикация сведений о его деятельности [9, с. 34].

28 марта 1924 г. ЦИК утвердил Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь.

Террор против политических противников имел целью уничтожить всякую возможность политической оппозиции и пресечь любые попытки инакомыслия [10, с. 291].

На XV съезде ВКП (б) А.И. Рыков заявил: «Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить» [11, с. 338].

26 марта 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О карательной политике

и состоянии мест заключения». Правительство требовало «признать необходимым применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов...» В отношении лиц, не поддающихся, по мнению «органов», исправлению, предлагалось ставить вопрос о продлении срока или о принятии новых мер социальной защиты [6, с. 202–207].

Совет Народных Комиссаров СССР, во исполнение указанных директив Политбюро, 11 июля 1929 г. принял специальное Постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных» [12].

6 ноября 1929 г. ЦИК и СНК СССР внесли изменения в «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятые в 1924 году. Статья 13 этого документа, в частности, гласила: «Мерами социальной защиты судебно-исправительного характера являются: ...б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР», а статья 18 добавляла: «на срок от трех до десяти лет» [13]. Так впервые в советском законодательстве появился термин «исправительно-трудовой лагерь» (ИТЛ) и «новый» вид уголовного наказания, через которое прошли миллионы ни в чем не повинных граждан.

7 апреля 1930 г. СНК СССР принял официальное «Положение об исправительно-трудовых лагерях» [13]. Лагеря находились в ведении ОГПУ, наделялись неограниченной властью над заключенными.

Наряду с лагерями ОГПУ в стране продолжала действовать карательная система НКВД, куда входили тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, пересыльные пункты и т. д. После ликвидации 15 декабря 1930 г. народных комиссариатов внутренних дел союзных республик эти места заключения передавались в ведение народных комиссариатов юстиции союзных республик [14]. Курс на обострение классовой борьбы нашел отражение в новом Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, утвержденном 1 августа 1933 г. [14].

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК был образован общесоюзный НКВД, в состав которого на правах Главного управления вошло ОГПУ [15]. 17 сентября в ведение НКВД были переданы конвойные войска, а 27 октября – исправительно-трудовые учреждения, существовавшие ранее в системе НКЮ. Для руководства ими был образован отдел мест заключения – ГУЛАГ.

Данные о количестве пострадавших в годы репрессий сильно отличаются. Так, в справке, направленной в конце 1953 г. секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, сообщалось, что Особым совещанием за годы его существования было осуждено

442 531 чел. [16]. Однако рассекреченные архивы позволяют говорить о том, что эти цифры занижены – только в 1944 г. было осуждено не 10 611 чел., а 27 456 чел. [17].

Возглавлял Особое Совещание народный комиссар, в качестве его членов выступали его ближайшие помощники и заместители. Прокурор не входил в состав Особого Совещания, но его присутствие на заседаниях считалось обязательным. Так, 10 июня 1939 г. А. Вышинский обратился в ЦК ВКП (б), к И. Сталину, и в СНК СССР, к В. Молотову, с запиской, в которой сообщалось о возможности принятия ошибочных решений. Прокурор предлагал “установить такой порядок работы Особого Совещания, чтобы заседания его созывались чаще и с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел” [18]. Впоследствии выяснилось, что Особое Совещание за одно заседание могло осудить около тысячи человек [19].

Первоначально полномочия Особого Совещания были ограничены: оно имело право без суда и следствия ссылать, высылать, заключать в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет [20]. К началу 40-х гг. все ограничения были сняты. Особое Совещание получило право осуждать к 25-летним срокам заключения, а также приговаривать осужденных к расстрелу.

27 мая 1935 г. в составе НКВД – УНКВД республик, краев и областей, подчинявшихся напрямую центру, были организованы “тройки” с наделением их правами Особого Совещания. 30 июля 1937 г. по приказу наркома внутренних дел была создана разновидность “троек” для рассмотрения дел в отношении бывших кулаков, членов антисоветских партий, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, церковников и сектантов, а также бандитов и уголовников-рецидивистов. Их разбивали на две категории: “наиболее враждебных из перечисленных выше элементов” ждал расстрел, остальные подлежали заключению в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Этот же приказ определял и персональный состав “троек”: председателями были наркомы внутренних дел республик, начальники краевых, областных Управлений НКВД, членами – первые секретари ЦК компартий союзных республик, краевых или областных комитетов ВКП (б) и республиканские, краевые или областные прокуроры [21, с. 82].

11 августа и 20 сентября 1937 г. вышли приказы НКВД о формировании “двоек” (наркомы внутренних дел и прокуроры) [20]. “Высшую двойку” составляли Председатель Верховного Суда СССР и Прокурор СССР. Постановления этого органа мог отменить или пересмотреть только Пленум Верховного Суда СССР.

С середины 30-х гг. ГУЛАГ начинает развиваться быстрыми темпами. В апреле 1938 г. начальник ГУЛАГа И.И. Плинер, отчитываясь на закрытом партийном собрании ГУЛАГа, заверил присутствовавших, что “в ближайшее время мы будем иметь 42 лагеря” [22].

Среди них были и другие лагеря (объединения) НКВД, в том числе – Среднеазиатский и др. – 26 829 чел. [23].

В 1940 г. ГУЛАГ объединял 53 лагеря с тысячами лагерных отделений и лагпунктов, 425 колоний – промышленных, сельскохозяйственных и прочих, 50 колоний для несовершеннолетних, 90 “домов младенца” [24, с. 13, 20]. К началу войны число заключенных в лагерях и колониях, по официальным данным, составляло 2,3 млн чел.

В Кыргызстане репрессии начались еще в конце 20-х гг. XX в. В начале 30-х гг. аресты приняли массовый характер.

Полностью данные в отношении репрессированных в Кыргызстане пока не представляется возможным собрать и обработать, поскольку они до сих пор являются засекреченными и находятся в архиве Службы национальной безопасности Кыргызской Республики. В 1996–1997 гг. ГКНБ сделало попытку познакомить общественность республики с материалами по репрессивной политике. Были изданы два сборника: “Восстанавливаем историческую справедливость”. Вып. 1. Бишкек: Учкун, 1996 и “Восстанавливаем историческую справедливость”. Вып. 2. Бишкек: Учкун, 1997.

В данных сборниках использована такая подача материала, которая не позволяет полностью восстановить картину репрессивной политики. Что можно узнать об арестованных: фамилию, имя, отчество, место рождения, год ареста.

Итак, что же нам удалось установить при анализе данных материалов:

1. Нами выявлено 760 населенных пунктов, в которых родились репрессированные. Только их перечень насчитывает 15 страниц формата А4.

2. Определено количество репрессированных – 8249 чел.

3. Определить этническую принадлежность не представляется возможным, в связи с отсутствием этой информации в сборнике, хотя это и отражено в названии населенных пунктов, в фамилии, имени и отчестве. Именно это помогло нам определить примерное количество репрессированных славян.

Славяне (русские, украинцы, белорусы)	
Мужчины	Женщины
2886	262
Всего: 3148 [25]	

Таким образом, славян было репрессировано 38 %.

4. Следующим вопросом стало выявление репрессированных в возрастном отношении. Оказалось, что 60 % репрессированных – представители старшего поколения, родившиеся во второй половине XIX в. И это понятно: ведь именно эта категория репрессированных являлась носителями “старорежимного” образа жизни, представлений и идеологии.

Дата рождения арестованного				
Вторая половина XIX в.	Начало XX в.	10-е гг. XX в.	20-е гг. XX в.	30-е гг. XX в.
1875 (60 %)	723 (23 %)	415 (13 %)	124 (4 %)	11 (0,4 %) [25]

5. Следующим вопросом стало выявление “пика” репрессий. Данные таблицы подтверждают, что он приходился на 30–40-е гг. XX в.

Год ареста				
20-е гг. XX в.	30-е гг. XX в.		40-е гг. XX в.	50-е гг. XX в.
	1930–1936 гг.	1937–1939 гг.		
84 (3 %)	766 (24 %)	785 (25 %)	1395 (44 %)	118 (4 %)
Всего: 3148 [25]				

Таким образом, массовые политические репрессии 1937–1938 гг. завершили формирование жесткого тоталитарного режима в СССР.

Литература

1. СУ. 1921. №23-24. Ст. 141.
2. Верт Н.С. История Советского государства: 1900–1991 / Н.С. Верт. М., 1992.
3. СУ. 1919. № 12. Ст. 124.
4. СУ. 1919. № 20. Ст. 235.
5. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг. / М.Г. Детков. М., 1992.
6. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. М., 1959.
7. Гиляров Е.М. Становление и развитие ИГУ Советского государства (1917–1925) / Е.М. Гиляров, А.В. Михайличенко. Домодедово, 1990.
8. Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет Главного управления мест заключения республики XI съезду Советов. М., 1924.
9. Горчева А.Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры / А.Ю. Горчева // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 2.
10. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1961. Т. I.
11. XVI Московская губернская конференция ВКП (б). Стенограф. отчет. VI. М., 1928.
12. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 48. Л. 210–212.
13. СЗ. 1929. № 72. Ст. 686; 1930. № 22. Ст. 248.
14. СУ. 1931. № 4. Ст. 38; 1933. № 48. Ст. 208.
15. СЗ. 1934. № 36. Ст. 283.
16. ЦХСД. Ф. 89. Пер. 18. Док. 33.
17. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64–68.
18. ЦХСД. Ф. 89. Пер. 18. Док. 2. Л. 1.
19. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 53; Д. 98. Л. 297; Д. 95. Л. 284.
20. СЗ. 1935. № 11. Ст. 84.
21. О внесудебных органах // Известия ЦК КПСС. М., 1989. № 10.
22. ЦОДМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 175. Т. ГЛ. 33–34.
23. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 951. Л. 32.
24. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / Социологические исследования / В.Н. Земсков. М., 1991.
25. Восстанавливаем историческую справедливость”. Вып. 1. Бишкек: Учкун, 1996; Восстанавливаем историческую справедливость. Вып. 2. Бишкек: Учкун, 1997.